

Алёна Зайцева

Мездешность

Алена Зайцева

Нездешность

«У Никитских ворот»

2026

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

Зайцева А.

Нездешность / А. Зайцева — «У Никитских ворот», 2026

ISBN 978-5-00246-635-1

Нездешность — это не место и не время. Она находится за рамками, привычными для понимания. Это состояние между тем, что называют жизнью и смертью, это граница между зримым и не имеющим чётких контуров, между ощущением и предчувствием. Она вмещает то, к чему невозможно прикоснуться, только — обнаружить и сохранить внутри, вычерпать из наружного слоя это живое зерно и посеять в груди. По мысли, по слову, по звуку воссоздать и придать форму самому нежному, заветному и неиссякаемому. Если её попробовать представить образно — это тонкий эфир, мягкий свет утреннего солнца, вечерний отблеск фонаря, несколько времён года, собранных воедино. В них вращаются силуэты людей, очертания мест и ощущение свободы: быть там, где находится сердце.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-00246-635-1

© Зайцева А., 2026
© У Никитских ворот, 2026

Содержание

Поэт из города Тэ	6
Осенний ноктюрн	9
Зимний вальс	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Алёна Зайцева

Нездешность

© Зайцева Е. В., текст, 2026

© Чернышкова В. А., иллюстрации, 2026

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот», 2026

* * *

Поэт из города Тэ

Перед вами не просто сборник стихов. Книга. Живая, умная, современная. Это размышление о человеке и времени. О прощении и смирении. О подаренных нам возможностях и ежедневном выборе. О силе и смысле творчества в период больших испытаний.

Сегодня поэту доступно всё: прошлое – с его тяжким и великим опытом, настоящее – с чувствами на разрыв и свободой самовыражения (почти безграничной). И вроде бы устремлённость в будущее. Как сделать его лучше? Настоящий поэт не только в себе / о себе / для себя...

Знаете, если клокочет в стакане, однажды его придётся опустошить. Полезно вспомнить, как это сделал Андрей Андреев: крик души вылился в манифест о «Поэте Эпохи Потребления». Что тут сказать... ни один творец не рвётся в стойло (разве что Пегаса), никому неохота быть «замордованным» да завербованным. Хорошо, а что вы можете, кроме «стонов и рыданий»? Что у вас за душой?

Но действительно актуальны всего два вопроса:

- нужен ли П/поэт – Э/эпохе?
- нужен ли П/поэт в Э/эпоху?

Э/эпоха не разберётся. Зато может подтолкнуть к размышлению, дать голос и нужную интонацию. У каждого она своя, вот и Алёна Зайцева определилась: Поэзия – основа жизни, её высший смысл. Следуя за светом личного Маяка, раскрывая своё предназначение, поэтесса и сама стала Маяком. Проводником в мир, над которым «парят певчие весны».

В её городе Тэ нет места дежурному оптимизму – запасённому впрок и фальшивому. Просто жители этого города многое испытали и поняли:

Мы авансом живём:
в ожидании детского смеха,
подоспевшей весны,
ароматной малины с куста...

Совершенно бытовые детали. Родные и настоящие. Именно они удерживают нас в этом мире, их достаточно для полноценной жизни. Счастье – в отсутствии несчастья.

Жизнь циклична, и не случайно каждый её эпизод напоминает время года. Они (времена) сменяют друг друга, перемешиваются, обнажая то острые углы, то гладкие бока, то нечто наукой не изведенное. Не всегда можно совладать с собой, унять тревогу и печаль. Даже если ты взрослый и стойкий. Казалось бы, «чего бояться в октябре?». Да, «он – правдоруб», зато «честнее мая». И каждый человек, оставаясь «наедине (с) собой», «что-то ищет в самой глубине» своей души, ищет и обретает личные ответы на сложные вопросы. К чему приходит лирическая героиня?

Ругаться на октябрь – моветон.
В нём род мужской и право быть трезвящим,
Водою окроплять животворящей.
«Пора домой вернуться», – молвит он.

Героиня возвращается. «Пиши, пока не вызрел твой предел!» – настаивает она. И пишет.

А потом «предел» вызревает. Что делать, когда «время года – война?». Вроде бы многое понятно – на словах, а жить в этом как? Для кого и зачем? Автор знает: ради любви. Именно любовь – к людям, к жизни в разных её проявлениях – возвращает надежду:

Я хочу, чтобы дети бежали по саду вприпрыжку,
Чтобы мама младенца могла целовать в родничок.
Посмотри же: за каждым солдатом – обычный мальчишка,
Приберёгший в кармане заветной бумаги клочок.

Теперь ясно: даже война не всегда, не для всех «конечная станция». Это лихой поворот в судьбе. И если достойно его пройдёшь, да ещё поможешь другим, в доме твоём поселится весна. А когда она в зените, возможно всё!

Всё сбудется когда-то. Верь – не верь,
А щука прыгали в руки через прорубь.
Заляжет в спячку самый страшный зверь,
И выпорхнет из рук раскрытых голубь.

Предисловие – лишь начало. Здесь намечаются контуры и расставляются акценты. Вам предстоит познакомиться с произведениями Алёны Зайцевой в рамках шести циклов: «Осенний ноктюрн», «Зимний вальс», «(Не) военные письма», «По дороге домой», «Весенняя исповедь» и «Песня о лете».

Что же ещё сказать о поэте? Творчество Алёны Зайцевой для меня созвучно произведению «Русский огонёк» Николая Рубцова. Именно таким огоньком и представляется Алёна:

Спасибо, скромный русский огонёк,
За то, что ты в предчувствии тревожном
Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далёк,

За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле, и нет тебе покоя...

Мария Сеченова

...Вдруг самым неожиданным образом является *зерно* будущего произведения. Если почва благодатная, то есть если есть расположение к работе, зерно это с непостижимой силой и быстротой пускает корни, показывается из земли, пускает стебелёк, листья, сучья и, наконец, цветы. Я не могу иначе определить творческий процесс, как посредством этого уподобления. Вся трудность состоит в том, чтобы явилось зерно и чтобы оно попало в благоприятные условия. Всё остальное делается само собой. Напрасно бы я старался выразить вам словами всё неизмеримое блаженство того чувства, которое охватывает меня, когда явилась главная мысль и когда она начинает разрастаться в определенные формы. Забываешь всё, делаешься словно сумасшедший, всё внутри трепещет и бьётся, одна мысль погоняет другую. Иногда на несколько времени вдохновение отлетает, приходится искать его и подчас тщетно. Весьма часто совершенно холодный, рассудочный, технический процесс работы должен прийти на

помощь. <...> Если б то состояние души артиста, которое называется *вдохновением* и которое я сейчас пытался описать вам, продолжалось бы беспрерывно, – нельзя было бы и одного дня прожить. Струны лопнули бы, и инструмент разбился бы вдребезги!

Из письма П. И. Чайковского

Осенний ноктюрн

Октябрьский пейзаж

Как много остаётся в октябре:
Прозрачный купол неба цвета смальты,
И терпкий запах сырости асфальта,
И кроны в красноватом янтаре.

Подмигивают поздние цветы:
Безвременник осенний, георгины.
О чём шумят лесные исполины,
Уставшие от прежней духоты?

Прямой лист, размокший от дождей,
К моим ногам спускается беспечно.

Как здорово, что всё вокруг – не вечно!
И кажется от этого ценней.

И хочется кружиться под водой:
Мне снова пять, и десять, и пятнадцать...
Зачем же по былому сокрушаться?
Всё движется неспешной чередой.

Везде царит октябрьский покой,
И сыпятся созвездия рябины.
Как чудно быть фигурой на картине,
Написанной божественной рукой!

Таганрогский сонет

Когда перестаёшь смотреть в глаза,
Направив взор в узоры будней пресных,
Какие-то из ангелов чудесных
Из виду начинают ускользать.

Замедлись на мгновение одно,
Заметь, как небеса плывут по лужам.
Кольцо зрачка умело прячет душу —
Крутую речку в заросли лесной.

Прекраснее большого звездопада —
Безмолвье губ, красноречивость взгляда!

Приятно окунуться с головой
В забытый мир пленительных фантомов,
Запрятанных в колодце глаз знакомых,
Но жаждущих открыться пред тобой.

Гуляющие под солнцем

Сквозь мокрое окно сочится свет.
Моргающий фонарь —
горбатый узник дождя,
что обрамляет силуэт столбов.
Но он не враг, а наш союзник,
крадущий звук на несколько минут...
Скудеет то, что названо словами.
Теперь проникнуть можно в тишину
и в пустоту
пространства
меж стихами.
И некуда, и некогда спешить,
ведь маятник, поймавший время, рвётся.
Но что с того, что день дождём расшит,
счастливым двум,
гуляющим под солнцем?

Увертюра «К тоске»

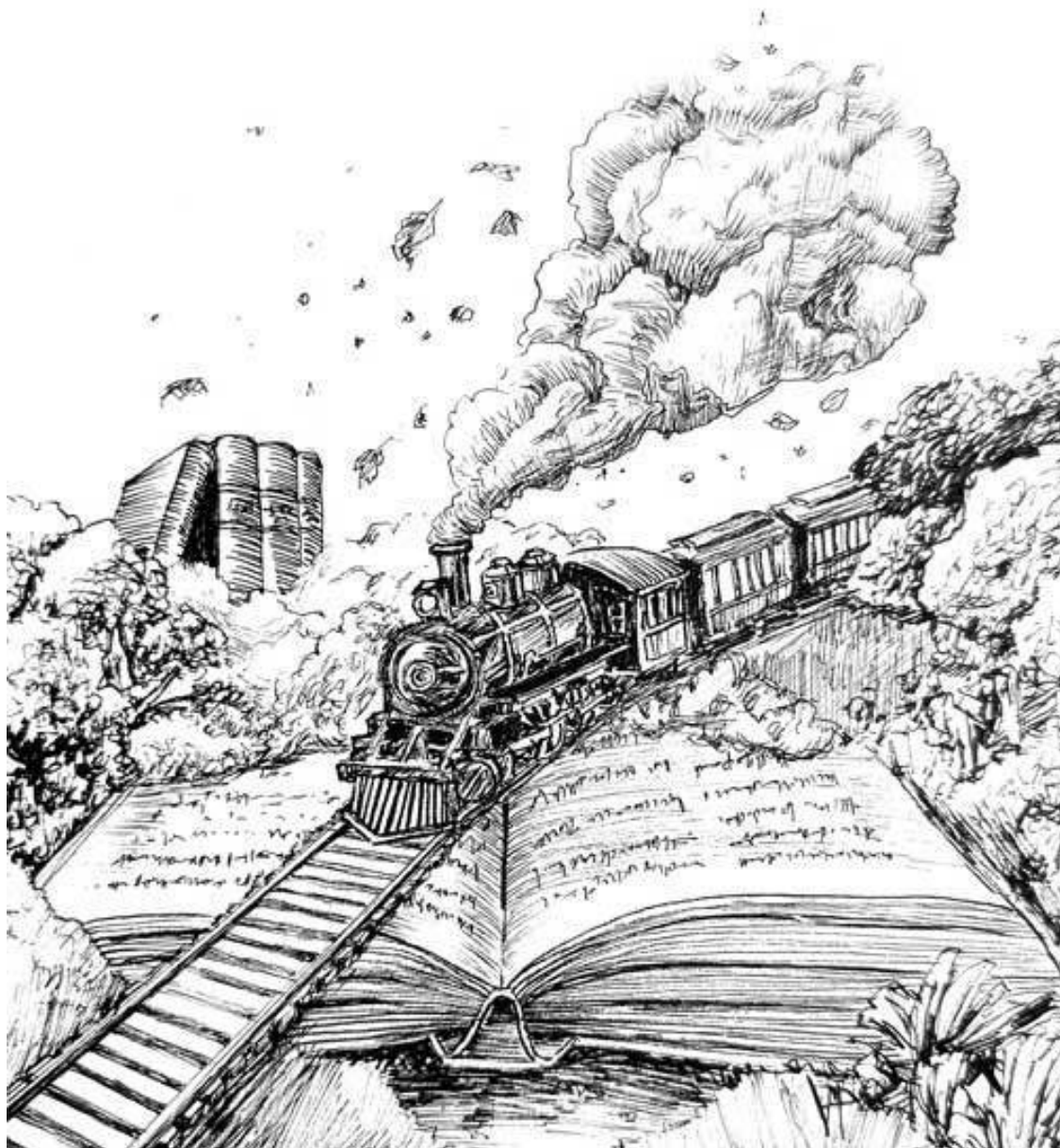
В сутулое небо уткнулись курносые кроны,
Аккорды уныния в птичьих звучат голосах.
Бывает, что осень привозит с собою вагонами
Тоску о несбывшихся с нами простых чудесах.

Прозрачные зёрна клокают по рельсам трамвайным.
Гнетущая серость нарочно врасплох застаёт:
У каждого есть за душой невоспетая тайна,
Увитая цепким плющом неизбежных хлопот.

Поддавшись гипнозу медово желтеющих листьев,
Легко погрузиться в сонливую вкрадчивость дня.
И хитрая осень, конечно, лукавит по-лисий,
Надеждой на завтра в протёртом кармане звеня.

И радостно пой, и от звонкого хохота падай,
И отблеск химеры лови понапрасну в сачок.
Наверное, верить во что-то волшебное надо,
Как в тихие звуки, которыми плачет смычок,

В союзе с другими легко достигая гармонии.
Крупинки дождя на троллейбусных стынут усах.
Бывает, что осень привозит с собою вагонами
Тоску о несбывшихся с нами простых чудесах.

Осеннее

Кленовые созвездья тонут в лужах,
Вращает ветер стрелки флюгеров.
Я в осени случайно обнаружил
Чарующий секрет её даров:
Дождя густого длительное эхо
(Вдыхая сплин октябрьский, кружись),
Душистый запах пряного ореха,
Ещё напоминающий про жизнь.
Волшебный поясок туманной пены,
Протянутый над сонностью полей;
За ним – застекленевший шар Селены,
Космические мачты кораблей.
Мечтательные ночи, с наступлением
Сулящие умчаться без следа

И двинуться навстречу приключениям.
Теперь, быть может, даже навсегда.

Правдуруб

Скажи, чего бояться в октябре?
Он – правдуруб, зато честнее мая.
Он всякую надежду отнимает,
А ты слова ворует в словаре.
Пиши, пока не вызрел твой предел!
Редее парк и скоро обнищает.
Десятый ничего не обещает:
Чуть что – и он, как прежде, не у дел.
Старик-грязник всегда наедине
С дождём и откровенностью святою.
Вот так и ты, оставшийся (с) собою,
Чего-то ищешь в самой глубине...
Ругаться на октябрь – моветон.
В нём род мужской и право быть трезвящим,
Водю окроплять животворящей.
«Пора домой вернуться», – молвит он.

* * *

Тепло на кухне. Варится бульон.
Он лечит ОРВИ, желудок, печень
(Старик стихом уже увековечен).
В оконных стыках дремлет поролон,
И чайник громко фыркает на печке.
На улице не слышится галдёж,
Ты рад сейчас, что всё-таки живёшь.
По осени наполнились аптечки,
Играет потихоньку вальс Бостон.
Часовня держит высь блестящим шпилем.

О будничном к чему – высоким штилем?
Давай сегодня просто. О простом.
Летишь, летишь, как в мыльном пузыре,
И вдруг – замрёшь. И легче станет сердцу.
Звучит дождя коротенькое скерцо,
А ты... слова ворует в словаре.

Колесо Сансары

А с годами становится меньше прощаний и встреч.
Сиротеют дома, шестиструнные гложут гитары.
Как на этой земле и тебя, и себя уберечь?
Время быстро вращает над нами окружность Сансары.

Может, ранее где-то и жил мой весёлый двойник.
Может, я – это он, протянувший из прошлого руку?

Если б мы повстречались в ещё не случившийся миг,
Я клянусь: мы бы точно с тобою узнали друг друга!

Посмотри за окно на последний осенний листок:
Всё живое к одной бесконечной системе причастно.
Мы идём до конца, чтоб иначе увидеть исток,
Только небо сложившихся нас разбирает на части

И уводит в глубокую бездну крутых облаков,
Покрывающих тонкой завесой извечные тайны.
Только мы тет-а-тет говорим про святую любовь
И питаемся скромной частичкой божественной манны.

Беспрестанно идут скоростные экспресс-поезда
По связующим нитям от смерти до новых рождений.
Нам друг друга забыть? Никогда, никогда, никогда!
Мы увидимся снова, пройдя через сто воплощений.

Клён

За бетонной стеной
потихоньку кружит листопад
и касается осень
застылых ветвей оробело.
Я зову и кричу,
но как будто опять невпопад.
Я лишь клён для тебя,
развалившийся так неумело.

Мне таким обветшалым стоять до весны.
Ты представь,
не до той, что полгода —
до той, что значительно дольше.
До минуты, когда ты зайдёшь
и прервёшь эту явь
и одаришь листвой
до сих пор обнажённую рощу.

Только ты не заходишь.
Здесь нет никого, просто я...
И отчаянно вязнут в земле
истощённые корни.
Ты скажи: сколько дней,
сколько лет мне ещё простоять?
Сколько раз наблюдать,
как проходит, ссутулившись, дворник?

Ты зайди на часочек,
я буду без памяти рад!
Я же клён, просто клён,

даже шага не сделаю ближе!
Для тебя здесь хранится прекрасный,
загадочный клад:
одинокая тайна,
склонившая ветви над крышей.

Я опять как немой,
попытавшийся что-то сказать,
ну а ты – как слепой,
разучившийся полностью слышать.
Ты – весна, не пришедшая трелью
в мой пасмурный сад.
Я же... клён. Просто клён,
опрокинувший ветви на крышу.

Осенний ноктюрн

Идёшь домой затерянным двором,
А ветер всё забористей и злее!
Он колет грустью где-то за ребром,
И на душе заметно октябрее.

И стынет воздух с первым холодком.
Летят слова, но сердце скрыто между.
Мне нравится, что я с тобой знаком,
Осенняя несбыточность надежды.

Вот так и впредь: ничто не обещаю.
Врачуй меня, десятый золотистый!
Я был мечтой настигнут невзначай
И ей же сбит, распорот и расхристан.

Но скорый поезд вдаль идёт, гудя.
Рябины наряжаются в рубины,
И бисером хрустального дождя
Цветастые расшиты кринолины.

Как живо всё вокруг... Да будет так!
Пусть эта грусть окрасится в пурпурный.
Ах, осень... Осень, твой спокойный шаг
Звучит во мне божественным ноктюрном.

Небо из лоскутков

По капле падал дождь на парашет.
На телефонной линии помехи,
а в остальном – в природе паритет.
В ноябрьской сухой листве орехи
лежат, их не собрали до сих пор.
Захлопали намокшие сандалии,
и ливень умывает малый двор,
как будто по-есенински скандалит!
Мой бесконечно добрый человек

с глазами цвета светлого нефрита:
построишь неприкаянной ковчег?
Мне кажется, как будто небо сшито
из ткани в виде серых островков
и льётся дождь волною из проплешин;
прошу тебя, восстань из мира снов,
вселенной слов, родившихся стихов
и подари мне пару лоскутков
на небо... Пару ярких лоскутов —
скорей закрыть крупнейшие из трещин!

Зимний вальс

Подснежность
Мотыльками бескрылыми
с неба посыплется снег.
Силуэты домов преисполнятся
сказочной неги.
Я тебя напишу,
самый ласковый мой человек,
как молитву, заветным стихом
вознесённую к небу.

В доме нет никого.
Только я и весёлый двойник,
заигравшийся в зеркале
с лентами лёгкого платья.
Двадцать пятый январь
всколыхнул их и внутрь проник
и усеял меня
совершенной своей благодатью.

Я тебя загадаю в сочельник,
в канун ворожбы.
Эта ночь неспроста чародейной
окутана дымкой.
Отчего-то мне верится
в добрые знаки судьбы,
даже если внутри
замолкает последняя скрипка.

Я тебя напишу,
выходя за пределы строки;
выдыхая в окно,
нарисую расплывчатый абрис.
Ты стоишь за стеклом, по несчастью,
не видя ни зги,
оттого, что густая метель
заслоняет мой адрес.

Я касаюсь тебя не рукою,
но строчкой стиха,
подчиняя строфе
канцелярских листков белоснежность.
То ли строгость впервые
во мне начала затихать,
то ли вдруг зацвела
позабытая ранее нежность...

Ты согласишься потом
сквозь окрепший узор на стекле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.